

**Литературно-
музыкальная
композиция
«Януш Корчак»**

Дети движутся к Треблинке.
К лагерю смерти.
Люди, вы это терпите?
Люди, люди, не смейте!
Люди, станьте же гневными!
Люди, так не бывает:
Спят в округе деревни,
А детей убивают!
Я из дальней истории,
Я из дальней России,
Ярославна, которая
На стене голосила.
Плач мой больше не музыка,
Плач мой колокол, колокол.
У меня не по мужу
Нынче сердце расколото.
Вы прислушайтесь, люди,
Люди, так не бывает!
Где-то пьют, где-то любят,
А детей убивают!
Не за грош, не за денежку
Жилы детские настезь,
А за то, что поделены
Нынче люди на масти.
Люди, встаньте, как горы,
Горы, к ярусу ярус!
Люди, вот ваше горе,
Люди, где ваша ярость?
Разве дети снежинки,
Чтобы просто растаять?
Люди, люди, скажите,
Вы не троллями стали?
Люди, это не правда,
Люди, так не бывает:
Вы и слева, и справа,
А детей убивают!
Разве мир — это пустошь?
Люди, так не бывает:
Есть науки, искусство,
А детей убивают!
Что вы все онемели?
Иль беды не постигли?
Люди, где ваша совесть?
Если б в эту минуту два сердца иметь,
Чтобы бросить их детям под ноги.
Если б мог он душою бессмертной владеть,
Чтоб её расстелить по дороге.
Если б мог он частицу себя поселить
В каждом тельце, ребячьем и хрупком.
Если б каждого мог он собой заменить,
Двести раз умереть в душегубке.
Двести раз задохнуться в немецком плену
За колючей стеною Треблинки,
Чтоб могли они снова увидеть весну,
Побежать по садовым тропинкам...
Только так не бывает. И сердце одно,

Утомлённое, плещется в уши...
 Старый доктор, вам раз умереть суждено,
 Чтоб оставить бессмертной душу,
 Чтобы каждый, кто видел ваш путь на вокзал
 Впереди необычной колонны,
 С той минуты навеки покой потерял,
 Жаждой мести и гневом пленённый.
 Почему ты молчишь?
 Двести голов отсчитал солдат.
 Двести головок, светлых и тёмных,
 Двести ни в чём не повинных ребят,
 Двести... но это ведь только слово...
 Двести, но каждый всего один...
 Двести ещё не решенных загадок.
 Жмётся к груди его слабый Янушь,
 Будущий пепел треблинского ада:
 — Я не хочу. Не пойду. Я боюсь!
 Неловко ручонками шею опутал.
 Двести характеров, двести судеб...
 Вот она, вот она эта минута...
 Лучше б оглох он, лучше б ослеп...
 — Грузить в вагоны, седьмой налево!
 Эй, очищайте скорей вокзал!
 Не было в этом голосе гнева,
 Как автомат, офицер кричал:
 — Всех посторонних прошу удалиться.
 Скоро отправка, состав готов.
 Сумрак вагонный скрывает лица,
 И доктор не слышит скрипучих слов:
 — Доктор, прошу удалиться с перрона.
 Вы нарушаете мой приказ...
 Как горестно из глубины вагона
 Светятся сотни ребячьих глаз.
 И, оттолкнув рукой часового,
 Доктор легко поднялся в вагон.
 И вот он в кругу ребятешек снова,
 Взволнованным шёпотом окружён...
 И сотни ручонков, тонких, дрожащих,
 К нему потянулись, и он в кольце.
 И старое сердце забилося чаще,
 И свет заиграл на его лице.
 И свет этот виден был так далеко,
 Что даже фашистский солдат без слов,
 Минутой позднее железного срока
 Бросил на двери гремящий засов.
(быстрая музыка)

Смрад. Бред. Полумрак.
 Колёса стучат: так-так.
 Колёса поют: как встарь.
 Колёса свистят: ты стар.
 Колёса скрипят: стареть.
 Колёса кричат: на смерть.
 Но доктор уже в кольце,
 И свет на его лице...
 Словно крыло, рука тепла,

И тепло птенцам у крыла.
(медленная музыка)

Белый дом под черепичной крышей,
 Бьются двести маленьких сердец.
 Подрастают двести ребятешек.
 Януш Корчак друг им и отец.
 И у каждого свои повадки —
 Тот драчун, а тот во сне кричит,
 Этот носит ранец в беспорядке,
 У другого нездоровый вид.
 Ты попробуй сладить, если двое,
 Ну а тут их двести — посуды.
 Где тот ключ, что их сердца откроет,
 И сумел ли он его найти?
 Стулья сдвинутые стоят.
 Януш Корчак в кругу ребят.
 Улыбнулся, и солнца луч
 Глянул с неба из серых туч.
 Улыбнулся, а у виска
 Голубая жилка легла.
 Словно крыло, рука тепла,
 И тепло птенцам у крыла.
 Но у доктора две руки.
 Много ль можно ими обнять?
 Хоть и трудно, а ты смоги
 Заменить им отца и мать...
 Чтоб спокойная детвора
 Улыбалась небу с утра,
 Чтоб убрать с их пути беду,
 Чтобы выучить их труду...
 Чтобы ты ошибаться не мог
 В понимании детской души,
 Будь всегда справедлив и строг,
 Но наказывать не спеши.
 Безмятежно отдыхают дети.
 Им не слышен тонкий скрип пера.
 Это Януш Корчак в кабинете
 Пишет, пишет, пишет до утра.
 Он склонился головою бритой.
 О, какая в мире тишина!
 В этот час его душе открыты
 Все миры, сердца и времена.

— Люди, послушайте, убитые идут за живыми! Если ты убил человека, он идёт за тобой всю твою жизнь. А если ты убил ребёнка? За тобой идёт взрослый, тот, кем стал бы этот ребёнок. Он идёт и несёт на руках себя, маленького, которого ты убил и не дал ему стать человеком. Неужели вы не понимаете, что дети похожи на весну? Они похожи на маленькие клейкие листочки, которые обязательно должны превратиться в большие листья. Иначе — как дышать? Разве можно убивать будущее, люди?

— Доктор, поймите, дети — это только черновики. Каждый ребёнок — это ещё только черновик человека. Неудачные черновики выбрасывают, сжигают. Они не должны становиться достоянием.

— Черновики?.. Значит, вы тоже были когда-то черновиком? И вы полагаете, что получилось очень удачно, когда вас переписали на белом? Вы уверены, что вы — «достояние»?

Сегодня «человек» — это звучит больно. Я хочу стать криком, воплем. Но не просто кричать и вопить — это могут и не услышать. Но все знают, как не хочется умирать. Как чертовски не хочется умирать. Когда ещё пять шагов — и всё, ноги почему-то перестают идти сами. Но если ты их все-таки заставишь сделать эти пять шагов — вся твоя жизнь становится криком. И тогда люди оборачиваются и спрашивают: «Что случилось? Чья это жизнь так кричит?» И тогда я вправе спросить: «Люди, почему вы не слышите просто криков и просто воплей? Почему обязательно должна закричать чья-то жизнь, чтобы вы обернулись?»

Как ночь жестокая светла,
Светла неповторимо...
А жёлтый воздух полон зла
И факельного дыма.
Идут ряды чужих солдат,
И притаился город,
А на Крахмальной дети спят,
Плотны на окнах шторы.
И будто горя в мире нет,
И топот только снится.
Всё той же лампы мирный свет
Пока лежит на лицах.
А старый доктор? Тих и строг,
Он все ещё не верит.
Вот он перешагнул порог,
Скрипят входные двери.
Вот он выходит из ворот,
Слегка ссутулив плечи.
Вот он по улице идёт
Страданию навстречу.
Полдень. Зной. Тишина.

— Сегодня я хочу вывести ваш приют на дачу. Прекрасный живописный уголок. Холмы, рощи, длинная польская речка с коротким названием Буг.

— Треблинка?

— Да.

— У ворот дачи стоит усиленный конвой. И детей отсчитывают поштучно.

— Наша слабость, доктор. Мы любим порядок.

— Потом ворота закрываются. Детей даже не выводят погулять на холмы, в рощи.

— Откуда вам это известно? Это новое дело. Мы никого об этом не оповещали. Но на территории дачи есть и холмы, и рощи, и речка.

— И труба. Большая труба, из которой круглые сутки идёт дым.

— Теплоцентральный. Ночью бывает прохладно. Дети могут простудиться.

— На этой даче дети не могут простудиться. Мёртвые дети вообще не болеют. Это я вам говорю как врач.

— Откуда вы знаете, что дети умирают на этой даче?

— Разве я сказал «умирают»?

— Вы сказали «мёртвые дети».

— Детей убивают.

— Это приказ.

— Нет-нет! Этого не может быть! Это теплоцентральный, и только. Конечно же, по ночам бывает прохладно. Это только теплоцентральный, да?

— Это крематорий.

— Значит... всё правда?.. И как вы это делаете?

— Газовые камеры у нас оформлены, как души. И краны совсем как настоящие. Только из них идёт не вода, а газ. И много много разноцветных резиновых игрушек: зелёные лягушки, розовые лебеди, как в старых добрых немецких сказках. Обычно дети веселятся до последней секунды. Хлопают друг друга по головам, по спинам...

Двести голов отсчитал солдат.
Двести головок, светлых и тёмных.
Двести ни в чём не повинных ребят,
Двести, но это ведь только слово!
Двести, но каждый всего один!

— Ну, Млодек, так кем же ты хочешь быть, когда вырастешь?

— Живым!